

Юрий БОНДАРЕВ,
Арсений ЛАРИОНОВ

МИР ШОЛОХОВА

НОВОЕ СЛОВО

— Юрий Васильевич, пожалуй, после Льва Николаевича Толстого в русской литературе не было примера, равного Шолохову, когда писатель, придя в нее столь рано — в девятнадцать лет — первые рассказы, в двадцать один — первый сборник, в двадцать три — первые две книги «Тихого Дона» и широкое признание, — остается полвека первым не только в отечественной, но и мировой литературе...

— Исключительно счастливая судьба, может быть, даже более счастливая, чем у Толстого. Он лишь мечтал о книге из народной жизни, Шолохов написал ее.

— И все же, по моему, не напиши Шолохов третью и четвертую книги «Тихого Дона», вряд ли он занял бы в русской литературе такое место. Именно в этих двух томах с пронзительной силой раскрылся его гений...

— Да, без этих двух томов все в его судьбе было бы иначе. Но тогда мы воспринимали бы его творческую жизнь как трагическую обрвавшуюся — ведь талант уже крупно заявил о себе в «Донских рассказах», «Поднятой целине» и особенно в первой и второй книгах «Тихого Дона». После этих произведений ждать надо было от него многого, и оно явилось, это многое, — завершающие книги «Тихого Дона» были потрясающими событиями в художественном мире. Законченный роман стал целой человеческой судьбой. Он вызывает у меня и ощущение самой жизни писателя. Первая книга — это богатство и буйство красок, радость первородства, юность. Вторая — острое чувство молодости. Третья — зрелость через горькое познание. Четвертая — золотая середина пути, выбор и осмысление, мудрость и близкая истина. Писатель творил роман в согласии с собственным развитием. Но им была прожита не только жизнь, в максимальном приближении он прожил эпоху. Это определило его художественное прозрение. Как долг путь Толстого от «Детства...» до «Хаджи-Мурата», Достоевского — от «Белых ночей» до «Братьев Карамазовых», то есть от сентиментально-романтического состояния до строго углубленного философского осмысления. Шолохов же сразу врывается в литературу как бы ясновидцем. И в этом феномен его, великого художника.

— Что вы вкладываете в данном случае в понятие «ясновидец»?

— Талант не знает возраста. Юный Шолохов об-

ладал жизненным, нравственным и литературным опытом в таком достатке, что открыл новый мир, доселе человечеству не известный. Художник, по моему убеждению, жизнь не воспекает, не отражает и не изображает в иллюстрациях, подобно посредственности, а создает вторую реальность, потому он и властен спорить со временем, ибо твердо стоит на земле и является частью своего народа, разделяя его чаяния, духовные истоки и надежды. Тогда он творит новое слово в литературе.

— Кстати, о новом слове. Известно: Федор Михайлович Достоевский писал, что с Пушкиным и Гоголем в отечественной литературе «иссякло свое, настоящее русское и оригинальное слово». Он считал, что помещичья литература «сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). Но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, еще не было, да и некогда...». Однако надежды Достоевского, а потом и Толстого были связаны с ожиданием настоящего, крупного таланта из народа, способного сказать новое, доселе неизвестное русское слово...

— Наверное, в этой мысли Достоевского — лишь сладкая надежда. И Толстой, и Достоевский верили, что история народа нашего идет по восходящей, а стало быть, должны родиться и новые творцы слова. Это верно, но лишь отчасти. Народный талант является не просто сам по себе, не только по мере развития общества и литературы, как это случилось, скажем, с Толстым, Достоевским, Буниным, Чеховым. Народные таланты, такие, как неповторимый философ эпохи Горький и золотой самородок казачества Шолохов, выдвигаются великими, переломными событиями в жизни народа, какой была Октябрьская революция. Поэтому явление Шолохова имеет принципиально новое значение... Полководец Жуков, к примеру, — тоже великий народный талант, но разве он открылся нам на Халхин-Голе? Там он заявил о себе. Только чудовищная машина вермахта, со всей технически-изощренной системой современной войны, способствовала тому, что у нас вырос, выдвинулся во всем полководческом блеске гений Жукова. Когда мир находится на грани жизни и смерти — слово всегда за народом, тогда он творит историю. И тут появление Жукова и Шолохова — необходимость.

— Из гущи народной, из горнила самых напряженных, революционных событий — не это ли позволяет Шолохову равно стоять с Мелеховым, в то время как Толстой испытывает умиление перед Каратаевым.

— Толстой как духовник весь растворен в Пьере Безухове и Андрее Болконском... Но он хотел бы в себе отыскать и Платона Каратаева — мечту и идеал всего русского... Помните его признание: «Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого», и еще «непостижимым, круглым и вечным олицетворением духа простоты и правды...», то есть тем, к чему, особенно после пятидесяти, последние тридцать лет неистово стремился сам Толстой. Он хотел постичь дух Каратаева. Это была его мучительная, счастливая мысль-надежда: постичь народ, хотя бы на йоту познать его, приблизиться к нему. Отсюда известное толстовское чувство к Каратаеву, близкое умилению: «лицо его, несмотря на мелкие круглые морщинки, имело выражение невинности и юности, голос у него был приятный и певучий...». И много еще самых добрых и неожиданных качеств отмечает Толстой, чтобы сказать, что Пьер в Платоне увидел новую красоту, возникающую в его душе на каких-то «новых и незыблемых основах...». Вот откуда преувеличенные чувства к Каратаеву, не так ли?

— В то время как Шолохов сам плоть и дух этих «незыблемых» основ народной жизни, природы, сам могучий выразитель народной нравственности, установившейся веками в крестьянских семьях.

— Конечно. Шолохов сам часть этого «непостижимо» народного мира, у него, так сказать, гениальная память, и ему достаточно двух-трех деталей, чтобы картина и образ встали перед нами во всей полноте чувства и мысли. Помните эпизод из третьей книги «Тихого Дона»: «Старик, позавтракав при огне, с рассветом пошел убирать скотину, готовясь к отъезду сани. Он долго стоял в амбаре, сунув руку в набитый пшеницей-гарновкой заком, процеживая сквозь пальцы ядреное зерно. Вышел, будто от покойника: снял шапку, тихо притворив за собой желтую дверь...». Какая точная фраза, передающая выстраданную мысль Пантелея Прокофьевича: главное богатство семьи Мелеховых — хлеб — отныне не принадлежит только им... Шолохов так пишет жизнь простых людей, что их отношения, их социальные и нравственные страсти становятся нам интересными чрезвычайно. «Тихий Дон» — мудрая книга, вся пропитанная философией времени, и поразительно, как писатель смог все это понять, не переступив возраста пророка. Подобного нет в мировой литературе.

ПОИСК ПРАВДЫ

— Но есть тут и своя сложность, как мне кажется. Ведь несмотря на огромные социальные, научные, духовные достижения русского народа, мир знает русского человека во многом все-таки по литературе, а эта литература на протяжении полутора веков рисует его в острейших противоречиях. Пожалуй, до такого дня ни одна нация не раскрывала себя за всю историю. Достаточно, казалось бы, «Мертвых душ», но есть еще и совершенно поразительные «Братья Карамазовы», и «Анна Каренина», и «Воскресение», и «Живой труп», а чеховские «Иванов», «Вишневый сад», а горьковские «Старик», «На дне», «Мещане», наконец, как вершина народной жизни, «Тихий Дон». И каждый из наших великих писателей пытался постичь русский характер во всей его неожиданности, крылатости и необузданности.

— Да, вы, пожалуй, правы. Таких глубин души и дна ее коснулись только русские писатели, открыв перед миром русского человека без оглядки и неспешно. И все же, признаемся себе, несмотря на эту художническую беспощадность, русский человек по-прежнему остается с таинственной душой, до конца непознанной, неоткрытой, непостижимой. Вот в чем парадокс...

— Интересно было бы обратиться к истокам русского характера. Что, с вашей точки зрения, исторически является стержнем его?

— Истоки, наверное, в необычайно трудных условиях обживания русской равнины, Севера, Сибири, Урала. Кроме того, становление русской нации имеет целый ряд трагических эпох, что никогда бесследно не проходит. На Руси рано появились правдоискатели, богоискатели, бунтари, одержимые идеями и неистовые. Степан Разин, Емельян Пугачев, протопоп Аввакум — это великие люди из народа, которые хотели найти и постичь истину, по-своему размотав тугой клубок сложнейших противоречий. Понять истоки добра и зла помогает история и философия. И нет другого инструмента, который помог бы разгадать тайны человеческой души, кроме инструмента литературы.

— Не оттого ли в лучших своих произведениях русская литература всегда решала вопрос непримиримости добра и зла, вопрос выбора пути...

— Выбор — как выбор смысла жизни. Это верно. Русский человек в муках ищет, как ему жить. Поэто-

му у него обостренное отношение к своей и чужой боли и тысячи сомнений. Необходимость быть душевно чистым (все время!) и подчас невозможность быть чистым в силу разного рода обстоятельств рождают стыд, смятение, дух противоречия, глубочайшее раскаяние после совершенного проступка: «Зачем? Что я сделал?» Тогда самоистязание, казнящее самоуничтожение, мучительное угрызение совести. Ничего подобного вы в другой литературе не встретите. Бесподобная флюберовская Эмма Бовари не сомневается. Она ищет наслаждения без страданий. И возмездие, павшее на Анну Каренину, — это наказание более высокого нравственного порядка, чем наказание Эммы. А какой сгусток противоречивых чувств в «Тихом Доне», доведенных иногда до непереносимой, предельной боли, до смертельного исхода. Вспомним три женские смерти — Натальи, Дарьи и наконец Аксиньи, все они погибают ради нравственной чистоты, ради освобождения от тяжелой душевной безысходности. И в этом отношении «Тихий Дон» — самый русский роман в истории русской литературы. Женские образы в нем — натуры ярчайшие и разные, с одним, однако, стержнем — чрезвычайно сильное материнское начало, как бы очищающее от всякой возможной скверны не только детей, но и мужей, ибо мужья для них как дети. Наталья же — один из лучших образов женщины скорбящей, любящей, терпящей, тип рублевской боготери. Современная мировая литература такого духовного постижения сущности женщины не знала.

— А что в этом неустанном, вистину титаническом процессе осмысления, утверждения русского характера прибавил Шолохов, на ваш взгляд?

— Он увидел русского человека на границе нового — разрыв с прошлым, начало неизвестного и движение в нечто еще не познанное. Великий Октябрь — самое большое событие XX века, и Шолохов открыл характеры этого бурного, революционного времени, заключив союз с самой правдой, а не с беллетристическим правдоподобием. Правда — критерий и двигатель всей громады повествования. Поступки Григория во многом противоречат правде времени, и мы сожалеем об этом, но в них — не правдоподобие, а правда характера сложного, многомерного, написанного очень крупно, национально и общечеловечно. Шолохов создал казачий характер, прогретый жарким донским солнцем, овеянный полынным степным ветром, иссеченный грозowymi дождями. Да, роман о казаках, а получилась общечеловеческая эпопея и

2204

СОВЕТСКИЙ РАССКАЗ

24 МАЯ 1989

180

не проводит
дискуссиям
никого не

ного из тех,
лет магадан-
ма «мастер-
инспективна,
ового, по-
лько, по-
й анализ
сделать
медова-
пер-
не на
сти в
дане.
гут,
ых
ли-

железная поза о человеке. В «Тихом Доне» верно передана главная внутренняя черта русского народа — ослеплость, а обостренное чувство выявленной ослеплости предполагает поиск правды для других. Григорий Мелехов лишен корысти и эгоизма... Он думает, как всем жить лучше. Он неспиритизм, когда народ вдруг становится для кого-то «быдлом», и тут он может не только словом прицепить, но и — шашку наголо — со всей совестишмой силой врубиться в самое смертельное пекло, уже не думая о себе. Он неистов, горяч до отчаяния и совершенно безудержен в раскаянии.

— Помните, как точно передано раскаяние Мелехова после атаки на кронштадтских матросов?

— Трагическая страница, очень характерна для Шолохова. Прочитайте хотя бы несколько строк.

— Пожалуй, вот отсюда: «...Не успел сотенный и шага сделать к нему, как Григорий—как стоял, так и рухнул ничком, оголенной грудью на снег. Рыдая, сотрясаясь от рыданий, он, как собака, стал хватать ртом снег, уцелевший под плетнем. Потом, в какую-то минуту чудовищного просветления, попытался встать, но не смог и, повернувшись мокрым от слез, изуродованным болью лицом к столпившимся вокруг него казакам, крикнул надорванным, дико прозвучавшим голосом:

— Кого же рубил!..—И впервые в жизни забился в тягчайшем припадке, выкрикивая, выплевывая вместе с пеной, закладываясь на губах: — Братцы, нет мне прощания!.. Зарубите ради бога... в бога мать... Смерти... предайте!..». Это суд Мелехова над самим собой, когда угрызения совести душат, истязают его... Но у Шолохова за этим столкновением, за этой беспощадной борьбой всегда стоит настоящее, прошлое и будущее народа. И вот она во всей яви — мятущаяся, совестливая, русская душа: «Смерти... предайте!..»

— Собственно этим и закончил роман Шолохов. Сколько ни искал свой, третий путь Мелехов, чтобы не с красными и не с белыми, пути третьего — нет. И тогда он пойдет с виной своей навстречу расплате и смерти.

— В том и есть для него смысл выбора, теперь уже проявившийся до конца.

— Да, именно до конца, через все страдания и муки, через все семь кругов ада... Написано это Михаилом Александровичем Шолоховым сверх меры великолепно.

ЕГО ПРИВИЛЕГІЯ

— В своем слове при вручении Нобелевской премии Шолохов сказал, что он был и остается верным приверженцем социалистического реализма, несущего «в себе идею обновления жизни, переделки ее

на благо человеку». Эту формулу многие западные писатели и литературоведы подвергали жесточайшей критике, выдвигая взамен разного рода модные литературные повешества. Какова ваша точка зрения на это?

— Ни сюрреализм, ни экзистенциализм, ни дадаизм, ни поп-арт, ни структурализм и никакое другое моднейшее течение не смогли выдержать серьезного испытания перед огнем времени, и ни одно из них не смогло столь глубоко, осмысленно и одухотворенно создать вторую реальность — жизнь, обновленную искусством и литературой. Лишь «традиционный жанр» — реализм, жанр Гомера, Шекспира, Толстого, Достоевского, Диккенса, Стейнбека, Бунина, Шолохова, Леонова — по-прежнему остается в силе и способен являть художественное прозрение современных талантливых писателей. Пока выше реализма за долгую историю человеческого духа ничего не родилось. Как дети являются на белый свет тем же извечно заведенным порядком, множа жизнь человеческого рода, так и реализм традиционно и каждый раз по-новому освежает, очищает, омолаживает, возвышает жизнь... Лишь творческая импотенция художника побуждает его вместо красок жизни искать смещенные литературные и изобразительные формулы, которые якобы призваны выразить его особое знание тайн подсознательной стихии... Однако как быстро ветшают увлечения. Вспомним моду на «новый» французский роман... А жизнь рано или поздно возвращается к гениям реализма, которые настоянныими на солях земли глубинными водами утоляют жажду, и будто пустыня остается за плечами.

— Юрий Васильевич, вы как-то говорили, что мысль и чувство для открытий самые трудные в области человеческого духа. Если назвать первооткрывателей в литературе, то их буквально единицы. Можно ли отнести «Тихий Дон» к числу этих подлинных открытий?

— По моему глубокому убеждению, «Тихий Дон» — крупнейшая открытая звезда, надолго возшедшая на небосклоне мировой культуры.

— Прародительница открытий — идея. Что хочет

...качать писателя и что хочет сказать само время через писателя? Где они соприкасаются в солдатском товариществе? Шолохов точно угадывает эти точки столкновения человеческих характеров во времени. Великая литература не терпит конформизма. Самоисчерпание характера, как это случилось с Мелеховым, и есть открытие: «...вот и сбылось то великое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще родило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Писатель сказал все — пятой книги «Тихого Дона» быть не может.

— Есть еще одна особенность у Шолохова. Достоевский и Толстой в изображении всегда шли от мысли к чувству, Шолохов же, следуя народной традиции в творчестве — сказке, былине, притче, песне, — идет от чувства к мысли.

— Да, его Мелехов ощущает, чувствует, испытывает, переживает и лишь потом понимает, сознает и осознает. Чувства способствуют рождению мысли, а мысль открывает и рождает новые чувства. Так Шолохов создает атмосферу поступков и нравственную философию отношения к жизни. Этот метод его позволял бытосписанию увидеть стороной духовной, что далеко не каждому удастся. И хотя подражателей у Шолохова было предостаточно, никто не сумел бы народа поднять до духовного осмысления. Это так и осталось его, шолоховской привилегией.

— Нам, современникам гениального художника, хотелось бы от него большего в постижении мира, столь сложного и противоречивого... И, естественно, сколь бы великим ни было его творческое наследие, мы жаждем новых открытий...

— Не надо насиловать природу, потому что она может только то, что может. Шолохов открыл самую трудную, подвластную только исполинам—Толстому, Данте, Шекспиру, Пушкину,—первую и гениальную страницу новой литературы, рожденной Октябрем 1917 года. Он ввел в мир новых людей нового времени—Подтелкова, Штокмана, Кошерева, Давыдова, Нагульнова, Лопахина, Соколова. За ними будущее и с ними писатель, который хотел увидеть и создать их, в одухотворенном реализме расписав их бытие. Он сделал свою работу—огромную, редко кому на долю выпадавшую. И жаль, что мы забываем об этом в непомерных своих желаниях, чем, наверное, немало причиняем боли и самому художнику.

— На долю всех великих выпадали великие страдания, судьба не обошла и Шолохова. К тому же немислимо было бы написать трагическую четвертую книгу «Тихого Дона», не имея рубцов на сердце...

Конечно, жизнь однозначно счастливой не могла быть у Шолохова — ведь и у него бывали извне привнесенные страсти — злые, недружелюбные, ацеленные на то, чтобы всеми средствами прини-
мать его талант и разрушить. Шолохов немало про-
жил нелегких дней, одолевая корысть человеческую
зависть хрупких талантов, в свое время занимав-
ших, однако, высокие литературные посты. Не думаю,
чтобы это всегда обогащало его художнический и
человеческий опыт; чаще всего, по-видимому, бес-
ельно уходили силы, так необходимые литературе.

— Мы уже говорили о Толстом, но я хотел бы еще раз вернуться к нему, и вот в связи с чем. Тол-

стой до конца дней своих, особенно в старости, был непримирим с любым проявлением зла, и тем был немало неудобен своему домашнему, светскому и литературному окружению, неудобен правдой, к которой он неотступно стремился. В чем наиболее ярко проявляется эта традиция сегодня?

— Пример Толстого остается достойным и непрезойденным. Он был поразительно чуток к добру и зорко умел разглядеть зло. Старость обостряла его чутье, и мудрость его выросла до безграничности. Он был стойкий человеколюб и показал себя бесстрашным даже перед суровым отлучением от церкви, этой «человеколюбивой» инстанцией. Размышляя о жизни Толстого, невольно обращаешься к дням нашим... Трудно бывает даже самому талантливому оставаться со временем наравне: нет-нет да и случаются досадные, ничем неоправданные смещения реалистических понятий и представлений.

ЗЕМНЫЕ ЧУВСТВА

— Все значительное в русской литературе, как правило, связано с деревней, природой, землей. Отсюда передаваемая образность языка, глубина характеров. Не обмелеет ли эта река духовного богатства с наметившимися постепенным сужением устойчивых связей с землей?

— Дыхание земли и дыхание культуры едины. Одно без другого не существует. Во всяком случае не должно существовать. Только материальный прагматизм принижает искусство. И чем больше литератор отрывается от земли, чем меньше он овеян земными ветрами, тем заметнее будут скудеть его колоды духа. На замену придет асфальтовая ограниченность, утилитарность... и в конце концов душевное обмеление. Общение с землей заражает художника и насыщено обогащает его. Творчество Шолохова тому классический пример. Шедевры рождаются в соединении: чувство — земля, природа; философия — дерзкий интеллект, мысль.

— Практически всю жизнь Шолохов прожил в станице, в то время как многие его собратья по перу, даже и пишущие о деревне, стремились закрепить-
ся в городе. Как вы к этому относитесь?

— Шолохов живет естественной жизнью человека, не растрачивая себя на бесполезную художнику городскую суету. У него обостренное чувство самосохранения. Ему достаточно книг, ему необходима природа и естественное постоянное сцепление с народом.

— У нас же сложилось, что пишущие о деревне и живущие в городе чаще подстраиваются под народную жизнь, а не выражают ее.

— У пишущих о деревне мне не хватает прежде всего дыхания земли, соединенного с напряженным

дыханием мысли, добытой широкими знаниями. Ведь когда-то иные критики относили Шолохова к областным писателям, сознательно стараясь принизить и унижить художественные достоинства «Тихого Дона». Но время, суровейший судья, выбрало именно этот роман и вывело его на недосягаемую орбиту для сотен известных книг, о которых тогда же писалось, что они почти гениальны. Время воздало должное и умертвило все, что не имело высокого художнического постижения человека и его философии, а стало быть, и не могло иметь долгой жизни.

— Шолохова отличает и манера письма, лаконичность и безукоризненность стиля, идущая от предшественников — классиков русской литературы.

— Мне думается, что особо близкая связь из предшественников существует с Иваном Алексеевичем Бунинным. Особенно в умении чувствовать и понимать тончайшие оттенки состояния души, в одухотворенном и почти физическом описании природы, в болезненной требовательности к стилю. Я не вижу другого писателя из его предшественников, кто бы стоял так близко, как Бунин.

— Вы сказали, что подражать Шолохову нельзя, это верно. Но сам шолоховский дух в современной литературе, искусстве живет, питает могучую крону...

— Сблизить с Шолоховым может только пронзительно увиденная и совестливо понятая народная жизнь... Но шолоховское проявляется сегодня не только в литературе — открытия художника способствуют самому неожиданному порой толчку в сфере культуры. К примеру, думая о стиле Шолохова, я вижу и такие его грани в искусстве, как удивительная пластичность танца Екатерины Максимовой и Владимира Васильева, как душевные, уходящие в великие народные истоки мелодии Георгия Свиридова, или светоносные пейзажи Андрея Мылбникова, или всецело народные портреты жителей деревни Прислонихи Аркадия Платова... Потому что искусство Шолохова — зачаровывающее колдовство. Он бог, он сотворил чудо, наградив жизнью, плотью и духом донское казачество. Магией своего гения он вернул казачеству честь, гордость и достоинство, которое несло оно от Болотникова, Булавина, Разина и Пугачева — любимыми народных защитников. В Мелехове утвердил Шолохов личность сложную, противоречивую, но привлекательно глубокоую, совестливую. Тайна этого рождения и есть колдовство, она делает явление Шолохова исключительным. В современной советской литературе можно было бы назвать еще Леонида Максимовича Леонова, обладающего чарующим даром колдовства. Эти художники явили нам русского человека и русский характер наиболее полно, емко, глобально..